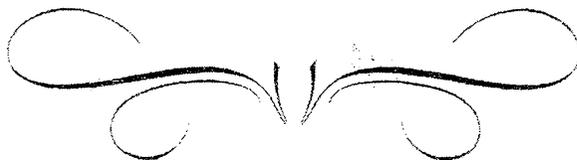

**Кронштадтское Морское Собрание
Константиновский дворец**

**Управление по воспитательной работе ВМФ РФ
Государственный Исторический архитектурно-
художественный музей г. Кронштадта**

*Пятые
Константиновские
чтения*

23 и 26 сентября 2005 года

Издательство «Морская газета»

Кронштадт – Стрельна

кфи., старший научный
сотрудник Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН.

*Экспедиция под великокняжеским благословением
(плавание фрегата «Паллада» в 1852—1854 гг.)*

Фрегат «Паллада» вышел на Кронштадтский рейд 25 сентября и покинул его 7 октября (старого стиля) 1852 года. Экспедиция под началом генерал-адъютанта Ефима Васильевича Путятина отправлялась из Петербурга в столицу Японии г. Эдо (старое название Токио), в страну, с которой у России не было ни дипломатических, ни торговых отношений. Как, впрочем, не было этих отношений и у других европейских государств, исключая голландцев, имевших торговую факторию в Нагасаки. На протяжении более двух столетий Япония следовала политике самозащиты и была совершенно закрытой для контактов с европейцами феодальной империей. Как выяснилось только накануне прибытия Путятина в Японию из специальных донесений министерства иностранных дел, российский уполномоченный не имел представления даже о форме правления в стране, о специфике разделения власти между духовным императором — микадо, и светским правителем — сёгуном. Предшествовавшая экспедиции Путятина дипломатическая миссия Николая Петровича Резанова (1764—1807) в составе первой русской кругосветной экспедиции 1803—1806 гг. И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского и имевшая ту же цель установления торговых отношений с Японией успехом не увенчалась. Как писал Крузенштерн, русскому посланнику были вручены «бумаги, содержащие запрещение, чтобы никакой российский корабль не приходил никогда в Японию».¹

В начале 1852 г. был создан Особый комитет, определивший цели экспедиции — заключение торгового договора с Японией и разделение границ на Сахалине и Курилах. Из состава Балтийского флота в эскадру Путятина был выделен фрегат «Паллада» с 44 орудиями и 471 человеком экипажа на борту. Уже в пути, в Англии, адмирал приобрел винтовую шхуну «Восток», командиром которой стал капитан-лейтенант Воин Андреевич Римский-Корсаков, старший брат великого русского композитора, а на предпоследнем этапе, в июне 1853 г. на островах Бонин-сима, к двум судам эскадры присоединились еще два — 20-орудийный корвет «Ошвуца» (командир капитан-лейтенант Н.Н.Назимов) и транспорт Российско-американской компании «Князь Меншиков» (командир лейтенант И.В.Фуругельм). Начиналась Крымская война (тогда она называлась Восточной), и укрепление эскадры было необходимо в целях безопасности.

Секретарем адмирала Путятина, его, так сказать, официальным письмоводителем, хроникером и летописцем похода, отправился в дальнее — и единственное в своей жизни — плавание коллежский ассессор, служащий департамента внешней торговли министерства финансов Иван Александрович Гончаров.

В организации экспедиции великий князь Константин Николаевич принимал непосредственное участие по долгу службы, занимая с июня 1852 г. должность говарица начальника Морского штаба, а с апреля 1853 года — начальника Штаба. На имя начальника морского штаба, великого князя Константина, во время плавания «Паллады» регулярно отсылались официальные донесения и рапорты с борта фрегата. В Морской штаб был адресован и итоговый отчет о плавании эскадры — наряду со Всенподданнейшим отчетом, государю императору.²

Момент отплытия «Паллады» Гончаров описывает следующим образом: «7 октября Его высочество великий князь генерал-адмирал, посетив фрегат, напутствовал его офицеров и команду словами ободрения и патриотизма; одушевленные сим, моряки бодро, весело и ревностно устремились в путь, указанный им волею государя, для важной цели. В присутствии Его высочества фрегат снялся с якоря...».³

У Константина Николаевича был и несомненный личный интерес к экспедиции. На борт «Паллады» поступили офицеры Гвардейского экипажа, которым он командовал, — 27 человек его личных подчиненных, в том числе и командир фрегата капитан-лейтенант Иван Семенович Унковский. И сам фрегат «Паллада», что особенно важно, построенный в 1831 г., был личным судном великого князя, он вступил в командование фрегатом «Паллада» в 1846 г. в чине капитана I ранга и совершил на нем две морские кампании в 1847—1848 гг.⁴

Участники экспедиции личное внимание великого князя и особую связь с ним, существовавшую помимо официальной, ощущали постоянно. На «Палладе» отмечался день рождения великого князя, и эту церемонию Гончаров описывает в своей книге. В этот день 9 сентября 1853 г. на фрегате служат молебств. В тексте Гончарова под *9-м сентября* (а во время длительной стоянки у берегов Японии записи Гончарова приобретают дневниковый характер) читаем: «День рождения его императорского высочества великого князя Константина Николаевича. Когда, после молебна, мы стали садиться на шлюпки, в эту минуту, по свистку, взвились кверху по снастям свернутые флаги, и люди побежали по реям, лишь только русский флаг появился на адмиральском катере. <...> Вместе с гимном «Боже, царя храни» грянуло троекратное ура. Все бывшие на шлюпках японцы, человек до пятисот, на минуту оцепенели, потом, в свою очередь, единодушно огласили воздух криком изумления и восторга».⁵

В этот же день, 9 сентября, спустя месяц после прибытия фрегата в Нагасаки (а он прибыл туда 9 августа 1853 г.), состоялось и первое свидание русского уполномоченного с губернатором города. Плавание из Петербурга в Нагасаки было сверхдолгим и сверхтрудным и заняло 10 месяцев: фрегат был парусным судном и зависел не только от штормов, но и от штилей. Не менее длительными и трудными были и продолжавшиеся 4 месяца и подчиненные сложнейшему средневековому церемониалу переговоры Путятина с японской стороной, в подробностях описанные Гончаровым. Договор же с Японией, который открыл для русских судов три японских порта, дал право назначить в одном из них консула и положил начало постоянным торгово-дипломатическим отношениям между странами, был подписан только 26-го января 1855 г. в г. Симода.

Для исследователей творчества и биографии Гончарова безусловно важен вопрос, почему именно на Гончарова была возложена миссия историкографической экспедиции и какую роль в этом сыграл вел. кн. Константин Николаевич.

По многочисленным признаниям самого писателя, поступившее ему предложение отправиться в плавание явилось для него полной неожиданностью. О своем состоянии, о своих сомнениях накануне плавания Гончаров писал во «Фрегате “Паллада”»:

«Жизнь моя как-то раздвоилась, или как будто мне дали вдруг две жизни, отвели квартиру в двух мирах. В одном я — скромный чиновник, в форменном фраке, робеющий перед начальническим взглядом, боящийся простуды ... В другом я — новый аргонавт, ... стремящийся по безднам за золотым руном в недоступную Колхиду, меняющий ежемесячно климаты, небеса, моря, государства. Там я редактор докладов, отчетов и предписаний; здесь — невеликий поход. Как пережить эту другую жизнь, сделаться гражданином другого мира? Как заменить робость чиновника и апатию русского литератора энергией мореходца, изнеженность горожанина — заурядностью матроса? Мне не дано ни других костей, ни новых нерв. А тут вдруг от прогулок в Петергоф и Парголово шагнуть к экватору, оттуда к пределам Южного полюса, от Южного к Северному, переплыть четыре океана, окружить пять материков ... Морская болезнь, перемены климата, тропический зной, злокачественные лихорадки, звери, дикари, бури — всё приходило на ум, особенно бури. ... То представлялась скала, у подножия которой лежит наше разбитое судно, и утопающие напрасно хватаются усталыми руками за гладкие камни; то снилось, что я на пустом острове, выброшенный с обломком корабля, умираю с голода...»⁶

В письмах Гончарова с борта фрегата друзьям и близким он признавался, что боялся качки, артиллерийской стрельбы, сырой погоды и, по прибытии фрегата в Англию, на первой же стоянке в Портсмуте, просился у Путятина назад в Петербург.

Сохранился рассказ одного из современников Гончарова (Г.П. Данилевского, будущего исторического романиста, а в то время начинающего литератора), проясняющий обстоятельства его назначения секретарем Путятина. Ситуация была следующей: когда вышло распоряжение откомандировать с фрегатом в кругосветное плавание кого-нибудь из литераторов, то обратились к Ал. Майкову, который и посоветовал Гончарова в качестве секретаря. «— Я! Что вы? — как будто ответил на это Гончаров. — Да я и с лежанки-то не сойду».

«Он действительно проводил время чуть ли не на лежанке, — вспоминал Данилевский. — Дальше Парголова в жизни своей нигде не бывал. Убедили его, боявшегося качки, что для него вел<икий> князь <то есть сам Константин Николаевич. — А.Г.> велел переделать и особенным образом приспособить каюту. <...> Таково происхождение «Фрегата “Паллады”»»⁷

Выбор в качестве мореплавателя Гончарова вообще представляется своего рода парадоксом. Иван Александрович был человек не просто сугубо штатский, сугубо «берговой», как он сам себя аттестовал, но и человек, имевший в кругу друзей и знакомых давнюю и устойчивую репутацию эскурейца, ленивца, обломовца, действительно не сходившего с лежанки.

В 1852 г. Гончарову 40 лет, и к этому времени он известен публике как автор «Обыкновенной истории», опубликованной в «Современнике» в 1847 г. и принесшей ему огромный читательский успех, и «Сна Обломова» — главы из будущего романа, опубликованной в 1849 г. Чиновничья карьера Гончарова не была блестящей: начав в 1835 г. службу в департаменте внешней торговли министерства финансов в должности переводчика с чином 10 класса (коллежского секретаря), он спустя почти 20 лет служил там же и имел чин 8 класса (коллежского ассессора). Впрочем, замечаний по службе он не имел, и на специальное «Отношение» великого князя Константина Николаевича сначала к министру финансов П.Ф.Броку, а затем и к императору Николаю в сентябре 1852 г. было получено безоговорочное согласие. Гончаров был откомандирован на «Палладу»

«для письменных дел и производства отчетности», как значилось в официальных бумагах. Он, таким образом, попадает в историографы похода достаточно неожиданно. И определяет его назначение прежде всего его литературная репутация. Свою миссию, как известно, он исполнил вполне успешно.

Идея привлечения литератора к составлению отчета об экспедиции исходила от вел. кн. Константина Николаевича. Об этом существует более позднее свидетельство — Сергея Васильевича Максимова, который уже вслед Гончарову, участвовал в «литературных экспедициях», организованных Морским министерством в 1855—1856 гг.⁸ Экспедиционное летописание, с привлечением к этой роли известных и начинающих литераторов, получило продолжение. Максимов писал об этом как о событии «небывалом», «неожиданном и почти невероятном»: по инициативе правительства литераторы, пережившие немало преследований и гонений от того же правительства, были призваны к активной общественной деятельности. «Почин в описываемом нами деле, — писал Максимов, — принадлежал молодому тогда генерал-адмиралу, председателю Ученого русского географического общества, вел. кн. Константину Николаевичу, стоявшему во главе коренных преобразований ..., успевшему провести важные перемены во вверенном ему ведомстве и флоте...»⁹

Инициатор отправки литераторов в плавание, вел. кн. Константин Николаевич поощрял географическую и этнографическую беллетристику, ценя как документальную, так и художественную сторону повествования. Основавший и курировавший специальный морской журнал «Морской сборник» (а он издавался Морским ученым комитетом в Петербурге с 1848 г. и редактировался секретарем великого князя Ал. Вас. Головинным, сыном замечательного русского путешественника В.М.Головина), Константин Николаевич был заинтересован в украшении страниц журнала литературным материалом, способным привлечь к проблемам флота широкого читателя. Как прозвучит в одном из некрологов великого князя, «это был государственный муж — с глубоким убеждением признававший необходимость возможно более широкой свободы печати и права обсуждения общественной и государственной деятельности всех и каждого». «Морской сборник» со времени вступления в управление морским ведомством великого князя был освобожден от строгой цензуры и к концу 1850-х гг. стал органом широкой гласности. Именно здесь публикуются статьи по горячим вопросам общественной жизни (в частности статьи Н.И.Пирогова о проблемах воспитания), вследствие чего

⁸ См. «Современник», 1856 г., кн. 1, с. 10.

⁹ Там же.

число подписчиков журнала к концу 1850-х возрастет до 5000, и редакция будет вынуждена выпускать по 2 книги в месяц (в 1858 и 1859 гг.).

Несмотря на дипломатические, военно-стратегические, а вследствие этого и — секретные задачи экспедиции Путятина, внимание к ней в обществе было достаточно велико. И «Морской сборник» играл большую роль в освещении хода экспедиции. На страницах журнала появляются донесения и письма с борта фрегата. Здесь в 1853 г. (№ 9) публикуется письмо «О плавании Фрегата Паллада из Англии на мыс Доброй Надежды и в Зонский пролив, в 1853 году» капитана-лейтенанта К. Н. Посыета, состоявшего при Путятине «для особых поручений», деятельного участника переговоров с японцами. Посыет владел голландским языком, а переговоры велись и официальные бумаги составлялись на голландском (при посредничестве голландской фактории) и китайском языках. Свои записки о плавании «Письма с кругоземного плавания в 1852, 1853 и 1854 годах» Посыет опубликовал в 1855 г. в «Отечественных записках» (№ 3---4).

Еще один автор «Морского сборника» — Воин Андреевич Римский-Корсаков, капитан-лейтенант, командир шхуны «Восток», впоследствии адмирал. В 1858 г. (№№ 5-6) он публикует в журнале очерки «Случай и заметки на винтовой шхуне «Восток» (из воспоминаний командира)». На протяжении плавания он вел подробные дневники, которые были опубликованы гораздо позднее в 1895—1896 гг. его сыном — также в «Морском сборнике».¹⁰

Регулярно публиковались в «Морском сборнике» и донесения других старших и младших офицеров «Паллады» — Лосева, Пещурова, Зарубина, Болтина, носившие более специальный характер и посвященные вопросам топографии, гидрографии, вооружений и проч.

Офицеры «Паллады» вообще были талантливы, блестящи. Практически все спутники Гончарова позднее стали известными общественными и государственными деятелями России.

На страницах «Морского сборника» — еще до выхода в свет книги «Фрегат “Паллада”» — Гончаров публикует 4 очерка из будущей книги: «Заметки на пути от Манилы до берегов Сибири» (1855, № 5), «Из Якутска» (1855, № 6) и два самых значительных по объему — «Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 годов» — в трех номерах журнала (1855, № 9, 10, 11) и «На мысе Доброй Надежды» — в двух номерах (1856, № 8, 9).

Книга «Фрегат “Паллада”» в том виде, в котором мы с ней знакомы, сложилась только при выпуске ее отдельным изданием в 1857 г. На протяжении 1855—57 гг. Гончаров в разных журналах, помимо «Морского сборника» (в «Современнике», «Отечественных записках», «Русском вестнике», «Библиотеке для чтения») публиковал отдельные очерки путешествия, которые впоследствии стали главами книги.

Книга Гончарова по выходе в свет получила вполне доброжелательную критику. Однако отношение к ней моряков, в том числе и соратников писателя по походу, не было однозначным. Многие из них встретили книгу с чувством «неожиданного разочарования, недоумения и даже обиды». Гончаров, с их точки зрения, не передал подлинных испытаний и драматизма плавания и в целом не

воздал должного историческим заслугам экспедиции Путятина. И значительно позднее, в 1883 г. в некрологе адмирала Путятина, прозвучало сожаление о недостаточном и неполном освещении событий экспедиции. Автор некролога, барон Ф.Остен-Сакен писал: «Нельзя не пожалеть, что она «экспедиция Путятина. — *А.Г.*» до сих пор ожидает своего историка и что сведения о ней, далеко не полные, можно найти только в разных отчетах и статьях, помещенных в «Морском сборнике» и в известной книге Гончарова «Фрегат “Паллада”». ¹¹

«Фрегат “Паллада”» был художественным, а не документальным повествованием о плавании, и авторский метод намеренной дегеронизации «морской» тематики и прозаизации «восточной» экзотики, позволивший Гончарову создать по-своему уникальный текст, работал в ущерб героике плавания, которая в нем, безусловно, присутствовала.

«Фрегат “Паллада”» занимает в литературе путешествий уникальное место. Гончаров, безусловно, опирался на опыт своих многочисленных предшественников, как русских, так и европейских, но сумел остаться совершенно оригинальным. Свообразие его повествования определяется прежде всего образом автора, его особым взглядом на мир, особым восприятием мира. Прежде всего, это взгляд человека частного, обыкновенного (а это одна из ключевых категорий в эстетике Гончарова), человека, замечаящего и описывающего бытовые, прозаические, вполне заурядные подробности. У него особый масштаб зрения, в котором малое имеет не меньшую, а порой большую ценность, чем великое. Преодоление романтического метода возвеличивания, героизации реальности составляет одну из центральных художественных задач гончаровского творчества. ¹² И во «Фрегате “Паллада”» писатель свою цель видел в том, чтобы взглянуть на мир, по его словам, «прямо, верно и тонко и не заразиться фанфаронством, ни насильственными восторгами...». ¹³ Позиция рассказчика у Гончарова подчеркнута объективна. Объективность же создается благодаря тому, что в повествовании нет доминирующей точки зрения, а есть своеобразная полифония, сосуществование самых разных точек зрения — офицеров фрегата, матросов, представителей других наций и культур. Гончаров декларирует ценность культур именно в их многообразии. При этом разные точки зрения сосуществуют у Гончарова мирно, неконфликтно, дополняя и поясняя друг друга, и эта бесконфликтность предполагает и открывает в итоге возможность их гармонического слияния. Неизменно ровной и спокойной остается на всем протяжении повествования и общая авторская интонация, несмотря на то что рассказчик ведет речь об острых коллизиях и конфликтах — от культурных, колониальных и военных до природных и стихийных.

Уже при жизни Гончарова «на книгу установился твердый взгляд как на простое описание дальнего плавания», она «была занесена в разряд географических сочинений, особо полезных и рекомендуемых для юношества». ¹⁴ И только.

При столь неоднозначном отношении к «Фрегату “Паллада”» Гончарову была особенно ценна неизменная поддержка и одобрение его труда великим князем Константином Николаевичем.

В декабре 1855 г., по возвращении Гончарова в Петербург, по распоряжению великого князя он получает «вне правил» чин статского советника «за особые заслуги его по званию секретаря при генерал-адъютанте графе Путятине». ¹⁵

Гончаров отправлялся в экспедицию в чине коллежского асессора, как я уже говорил, а получил чин 5-го класса, подъявись, действительно «вне правил», на три ступени.

Опубликованные первоначально в «Морском сборнике» гончаровские очерки о Японии («Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 годов») вышли в 1855 г. отдельным изданием. Эту книгу писатель преподносит в дар великому князю Константину и получает от него благодарную записку, к сожалению не сохранившуюся. «Я имел счастье получить из Николаева — сообщает Гончаров в одном из писем, — записку от великого князя Константина Николаевича», в которой Его Высочество, в приятных выражениях, благодарит меня за «прекрасные статьи о Японии. Он читал их с большим удовольствием и просит украсить "Морской" сборник» новыми трудами» etc. Подписано: *Константин*. Это произвело благоприятное впечатление не только на меня, но и на весь круг литераторов, да и на всех, кто только ни узнает. Это дороже всяких перстней, потому что небывалая и не совсем обыкновенная награда, тонкая и деликатная.¹⁶ В другом письме Гончаров с гордостью писал: «Книга моя представлена великим князем всей Императорской» Фамилии <...>. Сегодня заказал переплетчику другие для обеих Императриц: прислали за ними сегодня утром».¹⁷

В мае 1857 г. «Фрегат "Паллада"» впервые выходит отдельным изданием — с посвящением великому князю Константину Николаевичу. Текст посвящения гласил: «Его императорскому высочеству государю, великому князю Константину Николаевичу с чувствами глубочайшего уважения и беспредельной преданности посвящает автор». Посвящение было принято благосклонно, и Александром Васильевичем Головинным, состоявшим при великом князе, Гончарову было направлено следующее уведомление: «Великий князь генерал-адмирал соизволил принять с удовольствием посвящение имени Его императорского высочества сочинения г-на Гончарова «Фрегат "Паллада"».¹⁸ Автор был также пожалован вел. кн. Константином Николаевичем «драгоценным перстнем». Позднее в «Необыкновенной истории» Гончаров писал о посвящении: «...я нанечатал <...> путевые записки «Фрегат "Паллада"» — и, конечно, поспешил представить первые экземпляры всей императорской фамилии, с посвящением в «великому» к «князю» Константину Николаевичу, которому был обязан этим плаванием. Тут я не робел и не боялся, потому что эта книга была, так сказать, моим обязательным литературным отчетом о путешествии».

В июне 1857 г. министр народного просвещения Евгр. П. Ковалевский по просьбе Гончарова препровождает экземпляр «Фрегата Паллады» для поднесения Александру II. В июле писатель пожалован бриллиантовым перстнем с рубином за поднесенный экземпляр книги. Его Гончаров хранил до самой смерти и упоминал в завещательном распоряжении.

«Фрегат "Паллада"» выходил отдельными изданиями трижды — в 1857, 1862 и 1879 г. И третье издание «Фрегата» было поднесено писателем в дар великому князю Константину Николаевичу. Ему же были подарены автором экземпляры «Обломова» (издание 1884 г.) и очерка «Литературный вечер» (1879).

В 1873 году, осенью, Гончаров преподает детям великого князя в Мрамором дворце русскую словесность.¹⁹ Этим, пожалуй, и ограничиваются личные контакты писателя с вел. кн. Константином Николаевичем. Но не завершаются. Длительная и

доверительная переписка, говорящая о творческой и человеческой близости и взаимопонимании, свяжет Гончарова в 1880-е годы с его сыном, «августейшим, поэтом» вел. кн. Константином Константиновичем.²⁰

¹ *Крузенштерн И. Ф.* Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежде» и «Неве». Владивосток, 1976. С. 170–171.

² Публикацию текстов обоих отчетов см.: *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2000. Т. 3: «Фрегат “Паллада”»; Материалы путешествия: Очерки. Предисловия. Официальные документы. С. 138–224.

³ См.: Отчет Морскому министерству о плавании эскадры генерал-адъютанта графа Е. В. Путягина в Японию и Китай, 1852–1854 // *Гончаров И. А.* Указ. изд. Т. 3. С. 139. О Гончарове как авторе этого документа см.: *Алексеев А. Д.* И. А. Гончаров – автор официального «Отчета о плавании фрегата “Паллада”» // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона»: Сб. статей к 90-летию И. К. Шксанова. Л., 1969. С. 370–375.

⁴ См. формулярный список фрегата «Паллада»: Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб., 1872. С. 107–108.

⁵ *Гончаров И. А.* Фрегат «Паллада»: Очерки путешествия в двух томах // *Гончаров И. А.* Указ. изд. СПб., 1997. Т. 2. С. 346 (глава «Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 годов»).

⁶ Там же. С. 11.

⁷ Об этом подробнее: *Гончаров И. А.* Указ. изд. Т. 3. С. 400.

⁸ См. его очерк «Литературная экспедиция (по архивным документам и личным воспоминаниям)» (*Максимов С. В.* Литературные путешествия. М., 1986. С. 80–108; впервые: Русская мысль, 1890. № 2).

⁹ Там же. С. 80–81.

¹⁰ Из дневника Воина Андреевича Римского-Корсакова / Публ. Ф. Р<имского>-К<орсакова> // Морской сборник. 1895. № 10–12; 1896; № 1, 2, 5, 6, 9. Ср. современное издание: *Римский-Корсаков В. А.* Балтика — Амур: Повествование в письмах о плаваниях, приключениях и размышлениях командира шхуны «Восток». Хабаровск, 1980.

¹¹ *Остен-Сакен Ф.* Памяти графа Евфимия Васильевича Путягина // Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ-ва. 1883. Т. XIX. С. 386.

¹² «Разрушение штампов в антитезе далекое/близкое, чужое/свое, экзотическое/бытовое создает образ общего совместного движения всех культурных пространств Земли от невежества к цивилизации. Отсюда экзотика часто оборачивается некультурностью, а цивилизация – жестоким бессердечием. Эти противопоставления, по мнению Гончарова, должны быть сняты единой моделью, в которой динамика и прогресс положительно противостоят статике. Антитеза романтического Востока и «лишенной поэзии» цивилизации, многократно повторяемая в литературе до Гончарова, заменяется противопоставлением застоя и развития» (*Лотман Ю. М.* Современность между Востоком и Западом // Знамя. 1997. № 9. С. 160).

¹³ Письмо И. И. Льховскому от 2 (14) апреля 1859 г. Цит. по: *Гончаров И. А.* Фрегат «Паллада». Очерки путешествия в двух томах / Изд. подгот. Т. П. Орнатская. Л., 1986. С. 717 (серия «Лит. памятники»).

¹⁴ *Энгельгардт Б. М.* «Фрегат “Паллада”» // Энгельгардт Б. М. Избр. труды / Под ред. А. Б. Муратова. СПб., 1995. С. 225.

¹⁵ *Алексеев А. Д.* Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.: Л., 1960. С. 55.

¹⁶ Письмо Е. В. Толстой от 14 ноября 1855 г. (Голос минувшего, 1912. № 12. С. 238; при публикации письмо ошибочно датировано 1 декабря 1855 г.; датировка уточнена).

¹⁷ Письмо Е. В. Толстой от 1 декабря 1855 г. (Там же).